

685544

Ch. P. ...

7501
P41

40X

И. РЕПИН
ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА
В ДВУХ ТОМАХ
1867—1930

Т. 1

685544

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
МОСКВА 1969

УКХ
( )

И. Репин

Письма
1867—1892

1

685544

ИРСКАЯ
Областная Библиотека

лица надобно дорисовать, особенно тенями. Тени все очень слабы и однообразны, как и света. Тени следует вырисовать резко, определенно, во всю силу. Если он (г. Бобров) не ревнивый рыцарь иглы, то лучше всего проложить бы кистью с канифолью как тени, так и тона каждой материи; в картине эти тона разнообразны, начиная с лиц (каждое лицо имеет другой тон), так же и одежда каждого разнообразна. Следовало бы употребить различный штрих на некоторых вещах (пройти рулеткой, где — просто поковырять), картина заиграла бы. Я сделал кистью одни намеки на все это, и сравни теперь этот мой оттиск с другими и увидишь разницу.

Что меня особенно пугает: гравюра уже подписана; значит, она уже пошла у Вас в дело? Это было бы жалко, ибо она еще очень плоха. Посмотри ты на его головку «Маркиза» («Свет», вып. 5), ведь это прелесть и какая сила! А тут слабая литография какая-то.

Надобно особенно вырисовать глаза у двух: у *Канина* (второй от края) тоньше и глубже и у *Ильки-моряка* (третий), у этого глаза светлые и глядят на зрителя выразительно (он чернее всех). Старичок, вытирающий пот со лба, совсем не нарисован и не похож, а жаль — это чудесная фигура. Вообще он не рисует нижних челюстей почему-то; верно, фотография, которой он пользуется, очень плоха. Следовало бы отправиться с оттиском к картине и на нем сделать все эти поправки тонко и отчетливо. Волосы тоже бестонны и бесформенны.

Вот сколько замечаний!

Ничего, пускай поработает. Ведь один раз поработать и тысячи печатать, и плохих, это...

Портреты с бюстов я сделаю, конечно, только мундиры да кресты где я возьму здесь? Вот беда, опять откладывать до Москвы?

Твой *Илья*

В. В. СТАСОВУ

20 августа 1877 г.
Чугуев

Дорогой Владимир Васильевич!

Я так виноват перед Вами, что мне совестно уж взяться за перо. (Однако без оправданий! Это скучно.) Ваше последнее письмо для меня драгоценность. Я им очень до-

рожу, потому что оно определяет окончательно наши отношения. Много хороших писем написал я в уме Вам: жаль, Вы их никогда не прочтете. Теперь я очень тороплюсь. Я только что вернулся из деревни, где провел не бесполезно все лето, и собираюсь уже в Московию. Признаться откровенно, мне очень хотелось теперь променять ее на Питер, но уже надо доводить дело до конца: квартира взята, работы предположены. Вот мой будущий адрес: *Москва, Большой Теплый переулок (у Девичьего поля), дом купца Ягодина*. Не знаю, долго ли я проживу в Москве, но никогда я еще не ворочался в столицу с таким полным запасом художественного добра, как теперь, из провинции, из глуши. К тому, что Вы знаете и что так душевно одобряли, присоединилось еще две вещи. В сентябре я буду в Питере и опять сообщу о них сам. Одна из последних, кажется, появится первой перед петербургской публикой. А «Чудотворная икона»¹ вырабатывается недурно: я видел еще раза два в натуре эту сцену; и эти разы дали мне новую идею фона картины. *Дремучий лес*, толпа эта идет по лесной дороге?

Прощайте пока, под конец я тут схватил проклятую лихорадку и до сих пор оправиться не могу, так она меня потрепала.

Пишите мне поскорей. Вы не поверите, как я скачаю, что давно о Вас никакого слуха; только отводил душу Вашими сообщениями в «Новом времени» о Верещагине².

Ваш *Илья*

В. В. СТАСОВУ

2 октября 1877 г.
Москва

Дорогой Владимир Васильевич!

Скажите Вы Адриану, что лжет, будто бы я заходил к нему и не застал. Если бы я был даже настолько здоров, что мог навестить знакомых, то и тогда я не думал

¹ Один из первых вариантов картины о крестном ходе. На эту тему Репиным были написаны «Крестный ход в Курской губернии» и «Явленная икона».

² Стасов сообщал о военных подвигах и ранении Верещагина во время боя в войне с турками («Новое время», 1877, 12 июня и 10 июля).

особенно «Петербургская школа» и «Историки»¹. Прочитайте, стоит. Да, все эти статьи очень недурны, а местами есть chefs d'oeuvre'ы, просто переродился человек.

Мне интересно знать Ваше мнение на этот счет, пожалуйста, скажите его.

И. Репин

В. В. СТАСОВУ

17 июня 1878 г.

Москва

Славно Вы отделали Тургенева в «Новом времени»². «Читатель» — ведь это Вы, надеюсь, Владимир Васильевич? В самом деле — такое противное холопство перед французами!..

Ваше последнее письмо меня ужасно раздосадовало: написали Вы мне «с три короба» понуканий и возбуждений, основанных на каких-то слухах и рассказах нелепых (это мне, как к стене горох). Должен Вам сказать, что я не заснул и не обленился, а работаю по-прежнему, и если оставил на время «Чудотворную икону», то потому, что есть и другие вещи, не менее интересные и более просящиеся к скорейшему выполнению. «Икона» может подождать годика два-три (чтобы не надоедать с одним и тем же — Ваше сравнение с критикой картины неудачно).

Москва ни в чем не виновата по отношению ко мне. Да вообще обвинять город, какой бы то ни было, это смешно (русский то есть). А Москва, конечно, город русский, торговый по преимуществу, и потому мало способный к движению вперед, к образованию, — некогда.

¹ Серия статей А. Прахова, под общим названием «Выставка в Академии художеств произведений русского искусства, предназначенных для послышки на Всемирную выставку в Париже» («Пчела», 1878, № 9—14). «Петербургская школа» и «Историки» — подзаголовки статей.

² Письмо в редакцию «По поводу одного русского и французского конгресса» было написано Стасовым и подписано «Читатель» («Новое время», 1878, 13 июня). Стасов упрекал Тургенева в антипатриотичности, протестуя против его выступления на Международном конгрессе в Париже в 1878 г., в котором он причислял Россию «к разряду полуварварских стран», а ее литературу считал зависимой от французского влияния.

Климат здесь хороший, свет чистый, ровный, солнце яркое, внешний вид красивый, чего Вы ничем не заметите в Вашем казарменном Питере, в этом болотном, темном, протнившем воздухе. Ну, да что об этом препираться... Правда, интеллигенции здесь мало, да ведь и в Питере ее не бог знает сколько. Конечно, иногда бы хотелось повидаться кое с кем... Ну, да авось, бог даст, увидимся.

Хотелось бы съездить в Париж, да дела плохи, надо отложить; жаль, что Вы не едете туда, а ведь, я думаю, превесело там теперь. Прилагаю при сем мой Вам старый долг: проклятая рассеянность, я все забывал про него.

Вот моя к Вам просьба: поручите кому-нибудь узнать, где живут Славинские, братья (я потерял целый день, когда был в Питере, и не нашел их, куда-то за город выехали). Потом сообщите этот адрес академическим солдатам и скажите им, чтобы они пошли туда, забрали бы мои вещи все и, запаковав их как следует, переслали бы сюда ко мне. Мне так хотелось увидеть Славинских и поблагодарить их, они так добры. Им, я думаю, так надоед мой хлам, что просто ужас.

Не смею просить Вас писать мне чаще, вижу, что Вы меня рожгали.

И. Репин

За Верещагина я радуюсь, признаюсь, его Индия меня мало интересует, но война наша!!!¹ Вот чего жду не дождусь. [...]

П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

21 июля 1878 г.
Москва

Многоуважаемый и любезнейший
Павел Михайлович!

Сегодня приехал я из Абрамцева на условленный сеанс с Зинаиды Николаевны² и нашел Ваше письмо... Что за чудесная идея Вам пришла в голову! Это необык-

¹ Вернувшись с русско-турецкой войны, Верещагин поселился в Париже, где продолжил начатую ранее работу над серией картин об Индии.

² З. Н. Якупчикова.

снисходительны, хвалили и ободряли мои затеи, но никогда с такою ясностью я не чувствовал всей их пустоты и ничтожности.

Теперь, на свободе, раздумывая о каждом Вашем слове, мне все более выясняется настоящая дорога художника, я начинаю предчувствовать интересную и широкую перспективу.

Как жаль, Вы пробыли у меня так мало, а живете так далеко; хотелось бы расспросить Вас о многом...

«Ответ султану»¹ я, кажется, брошу совсем, но буду писать Запорожцев иначе, в другой какой-нибудь сцене. Пока, бросив все прочее, я принялся оканчивать малороссийскую сцену «На досвітках»², которую Вы назвали картиной даже; пишу ее с удовольствием. Теперь все стараюсь яснее определить себе понятия этюда и картины, у нас они ведь совершенно иначе прилагаются технически.

Простите, что беспокою Вас, цель этого письма поблагодарить за посещение; в самом деле, Вы принесли мне громадную духовную пользу.

Вам обязанный многими высокими наслаждениями в Ваших произведениях.

И. Репин

В. В. СТАСОВУ

17 октября 1880 г.
Москва

Ах, Толстой, Толстой! говорили мы тут о многом, то есть он говорил, а я слушал да раздумывал, понять старался. Многие слова его мне по уходе стали совершенно непонятны: например, хотя бы и то, что в нерадении нашего народа к своим интересам он видит только доказательство той великой идеи, которую он носит в себе.

Меня он очень хвалил и одобрял, но странно — как решил он, не видя, с Ваших слов, при том же, кажется, и остался. А более всего ему понравились малороссийские

¹ Толстой увидел в мастерской Репина «зачирканный углем» первый эскиз картины «Запорожцы, пишущие письмо турецкому султану» (1880).

² Картина, названная позднее «Вечерницы». Была закончена в 1881 г.

«досвитки», — помните, которую Вы и смотреть не стали, а он ее удостоил названием *картины*, прочие — этюды только. В «Запорожцах» он мне подсказал много хороших и очень пластических деталей первой важности, живых и характерных подробностей. Видно было тут мастера исторических дел. Я готов был расцеловать его за эти намеки, и как это было мило тронуть (то есть сказано) между прочим! Да, это великий мастер! И хотя он ни одного намека не сказал, но я понял, что он представлял себе совершенно иначе «Запорожцев» и, конечно, неизмеримо выше моих каракулей. Эта мысль до того выворачивала меня, что я решился бросить эту сцену — глупой она мне показалась; я буду искать другую у запорожцев; надо взять полнее, шире (пока я отложил ее в сторону и занялся малороссийским казачком «На досвитках»).

«Крестный ход» ему очень понравился как картина, но он сказал, что удивляется, как мог я взять такой избитый, истрепанный сюжет, в котором он не видит ровно ничего; и, знаете ли, ведь он прав! Конечно, я картину эту окончу после, уж слишком много работаю над ней, много собрано материала, жаль бросать.

Да, много я передумал после него, и мне кажется, что даже кругозор мой несколько расширился и просветлел.

Мои «Запорожцев» он назвал этюдом — правда. Конечно, я никогда не прочь сделать хороший этюд. Впрочем, и «Бурлаков» и «Софью» он считает этюдами — и это все правда. Вот жаль, я не спросил его про «Дочь Иаира», не знаю даже, видел ли он эту картину.

Как жаль, что он не понимает картины Иванова¹, ведь это гениальная вещь, а он даже, кажется, и не вгляделся в нее хорошо.

Написал и я ему; только несколько писем изорвал и, наконец, написал самое коротенькое и сухое.

Ну, будьте здоровы и не хнычьте; да теперь Вам, конечно, некогда. Вы теперь в Вашей каторге добровольной и сладкой находитесь.

К Вам принесет В. Серов копию со Шварца, сделанную по заказу Дмитрия Васильевича.

Пишите мне.

Ваш *И. Репин*

¹ «Явление Христа народу».

Будьте добры, ответьте мне до субботы, в субботу мы переезжаем на дачу. Если только будет время у него, то есть у Пирогова, и сколько-нибудь подходящие условия помещения, я приеду тогда с удовольствием.

Ваш И. Репин

В. В. СТАСОВУ

20 мая 1881 г.
Хотьково

Дорогой Владимир Васильевич!

Какая у нас прекрасная дачка. Какая живописная местность кругом!! Перед балконом группа чудеснейших сосен видна за садом; а дальше — живописная насыпь, по которой часто грандиозно, как на пьедестале, проходят поезда железной дороги, мелькая между соснами и распуская по небу красивый хвост пара и дыму. За полотном даль — с монастырем Хотьковским, а направо растилается редкая по красоте в этой местности долина, над возвышенностями которой рассыпалось Митино — деревня. Налево поля необозримые. Я устроился на балконе, там и сплю и работаю, несмотря на сильный холод, — что за беда, если в теплом пальто сидишь, в шапке; я так и сплю. Зато дышу чудеснейшим воздухом, напоенным едва развернувшимися душистыми тополями, молодой березой и сиренью. А встанешь — и одеваться не надо — готов.

Вчера был сильный мороз утром, вся долина была белая при восходе солнца; а утренний туман делал ее фантастической феерией.

Вот только это противное черное воронье надоедает: на вершинах сосен у них целое поселение, и в каждом гнезде в несметном количестве молодые воронята; какой пронзительный писк поднимают они, когда к ним возвращаются их родители с пищей; широко раскрывая неуклюжие рты, окаймленные желтой каемкой, они наперерыв стараются захватить все себе каждый. И это у них начинается раньше восхода солнца. Ну, довольно, простите, что разболтался, — я знаю, Вы не любите пейзажей.

[...] В начале июня съезжу в Курск, в окрестностях крестный ход будет знаменитый, — посмотрю и сделаю заметки для своей картины.

Хотел было, кстати, там же, около Курска, сделать портрет Фета (поэта), да раздумье берет, говорят, он ретроград большой.

Будьте здоровы, пишите мне. «Вечерницы» свои я значительно исправил после выставки. Кажется мне, 9-ю выставку не пошлем в провинцию — опасно, говорят.

Ваш Илья

П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

29 мая 1881 г.
Хотьково

Дорогой Павел Михайлович!

Простите, что до сих пор не мог поблагодарить Вас за Ваши любезные и своевременные сообщения о Пирогове. В пятницу в 9 ч. утра я уже был в Москве и прямо к Сергею Михайловичу; благодаря его сообщению я был на встрече Пирогова на дебаркадере ж. д. Что это была за восторженная и вполне искренняя овация!.. После встречи благодаря любезному содействию Сергея Михайловича мы были в гостинице Дрезден, где г. Склифасовский обещал передать Пирогову мое желание; он скоро известил меня телеграммой, и на другой же день утром я уже писал с юбиляра; в воскресенье сеанс был от 9 ч. утра до 11. Я попал и на юбилей. Это было необыкновенное торжество! Да и как иначе, ведь Пирогов — *гений!* Да несомненный гений! Помните — Писемский считал четыре гения в России, он забыл прибавить пятого — это Н. И. Пирогов...

К сожалению, на этом юбилее я простудился. (В зале была жара, я вышел на минуту в холодную курительную комнату, там встретился с Чупровым и не заметил, как меня прохватило.) На другой день я был совсем больной, но сеанс состоялся от 8½ ч. до 11. На третий день мне было еще хуже; но надобно было кончать. В среду утром я сделал рисунки для бюста, который хочу здесь вылепить. (Панов снимал с него с разных поворотов, но мне отказал, так как эти снимки предназначались для какого-то скульптора. Эти люди заняты вечно куском хлеба и боязнь, чтобы кто у них не отбил. Какое им дело до гения Пирогова!) Теперь я почти поправился,

думая, что он изменил будто бы прежним своим наклонностям к драме активной, но всегда был таким, его всегда глубже всего поражало в жизни человечества это трагическое положение лучших и высочайших субъектов: за свои великие откровения миру они гибли, не поняты невежественной грубой животной силой большинства. Взывать беспомощно, бороться смешно и жалко. Приходилось волей-неволей прощать во имя любви к человечеству, во имя светлой веры в лучшее будущее — и гибнуть. Эту же черту я вижу и в еврее, оставшемся неподвижным при приближении инквизиции. Да, наконец, и этот мерзавец Иван IV сидит неподвижно, придавленный призраками своих кровавых жертв, и в его жизни взята минута пассивного страдания. Я вижу в Антокольском последовательность развития его натуры, и напрасно Вы огорчаете его, особенно теперь, когда человек уже выразился ясно и полно.

Может ли ему принести пользу Ваше мнение о его самой натуре? Куда он от нее уйдет? Перестать быть самим собою!! Напрасно, напрасно огорчили Вы его; я даже не знаю, что может он отвечать Вам?

Вот насчет Рубенса другое дело; он совсем неправ, правы Вы: действительно, этот трепет и блеск органической жизни никому другому не удалось вызвать на полотне с такой силой и яркостью красок, как Рубенсу. Это вакханалия жизни!! И какое же сравнение Бернини — сухой, барочный, специальный, да просто цеховой какой-то мастер он после Рубенса. Вы правы! Вот еще про Караваджо мы забываем. А какой это живой реалист!! Помните ли Вы в Лувре, вверху, его картина¹, изображающая умершего мученика, к телу которого сбегались все его единомышленники и вопят и плачут над усопшим, замученным, а эта девушка, свернувшаяся вся от горя! Что за живая драма! Так и стоит перед глазами!! А распятие апостола *Петра в Эрмигаже?* — его же.

Антон Рубинштейн, кажется, у меня не выгорит, мало времени, да и позирует он скверно.

лен (в монументе и статуе) не пассивным и прощающим, а активным и разрушающим: он должен быть представлен не слабым и больным (духом), а сильным и могучим, невзирая, быть может, на наружную «слабость» тела» (письмо хранится в ИРЛИ).
¹ «Смерть Марии» (1600—1606).

Насчет Александрова, я думаю, — это миф¹. Может быть, кто-нибудь и займет ему рублей 600, и те он скоро растрывает и останется ни с чем опять. Бедный, бедный! Особенно душой.

1882

В. В. СТАСОВУ

20 января 1882 г.
Москва

Дорогой Владимир Васильевич!

Думаю я, что в конце генваря буду в Петербурге, а потому и откладывал писать до личного свидания, но так как товарищи передвижники отсрочили выставку до 7 марта (откроется в Петербурге), то я приеду только в начале марта, а в это время можно еще кое-что поделывать здесь. Картина² моя, конечно, не успеет в этом году, но будет несколько этюдов и портретов — всего номеров до 10.

Спасибо Вам за последнюю Вашу статью³ об успехе Верецагина в Париже. Ведь в самом деле, все поголовно и здесь думали благодаря этим шавканьям дворняжек, что Верецагин не имеет там успеха. Особенно протухлым на капусте московским самобытникам это приятно было повторять, как будто им что-нибудь прибыло от его неуспеха, точно они именно в этот момент успели в чем-то необыкновенно. А всего только капустки поели, по обыкновению, и так же душевспасительно рыгают, как и каждый день...

Лев Толстой живет недалеко от меня; обрадовавшись этому, я после нескольких разговоров с ним (ведь он всегда так интересен) просил его назначить вечер в неделе и подарить его нам, художникам (Суриков, Васнецов); хотели мы приходить к нему или сходить где ему

¹ Стасов писал Репину, что ему сообщили за границу, будто бы Репин дал несколько тысяч рублей Н. А. Александрову для продолжения его «Художественного журнала».

² «Крестный ход в Курской губернии» (1883).

³ «Парижская выставка Верецагина» («Голос», 1882, 11 января).

угодно, но он под разными очень скромными предложениями отклонил это. После я догадался — он часто видится с Перовым (проводит всякий день дочь¹ свою в школу живописи) и, вероятно, этому влиянию надо приписать его уклончивость, как и разные очень сухие и тенденциозные доктрины об искусстве; устарелой перовщиной теперешней веет от всего этого.

Интересны отзывы этого когда-то очень подающего надежды художника (Перова) о теперешней Периодической выставке, здесь, в Обществе любителей.

Что он говорит! Боже мой! Не стоит и пересказывать это невеселое, явное знамение нравственного падения человека.

Бюст мой Пирогова все хвалят, но заказывать его из бронзы, вероятно, более не желают. Дума, я слышал, ждет, когда мне будет сделан заказ кем-нибудь другим, тогда они повторение подешевле закажут (может быть, без моего ведома?).

Ваш *Илья*

Скоро ли наконец я перееду в Питер?! Хотя Ваше последнее письмо меня очень разочаровывает, и там гнили много. Но про Питер слухи неутешительные.

В. В. СТАСОВУ

27 апреля 1882 г.
Москва

Ну, для Вас стоило потрудиться и сделать хорошенький рисунок², [...] Знаете ли, только теперь, рисуя и повторяя эту свою излюбленную картину, я вижу, что она действительно недурна, в ней есть много художественного, а главное — человеческого; я думал тогда, что мне этого ничуть не удалось, молчал и мучился в душе, что меня многие хвалят только за намерения; и бранят также за намерение. И я находил только, что бранят-то не за то. «Картина очень, очень слаба» — вот что сидело у

¹ Т. Л. Толстая некоторое время занималась в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества.

² Перовой рисунок «Бурлаки на Волге», сделанный по просьбе Стасова для «Иллюстрированного каталога художественного отдела Всероссийской выставки в Москве 1882».

меня гвоздем на сердце и отравляло всякое сочувствие друзей... Конечно, Вам этот рисунок должен принадлежать; Вы выбросьте фотографию, которая у Вас в кабинете, и вставьте туда рисунок. Спасибо Вам большое за сочувствие!..

«Крестным ходом» я займусь летом и буду кончать его в Третьяковской галерее, где есть теперь пустые залы вновь прибавленного помещения для картин и еще не завешанные.

Будьте здоровы, очень рад буду увидеться с Вами и побродить по выставке здесь.

Ваше предсказание сбылось; я буду жить у Калинкина моста; уже порешил с квартирой и послал задаток.

Ваш *Илья*

Пора кончать эту добровольную ссылку¹.

В. В. СТАСОВУ

5 июля 1882 г.
Хотьково

Какая прелесть Ваша статья² о выставке «На выставках в Москве!» Горячо, с душой, проникнутой глубокой идеей любви к народу и свету. Какой живой, блестящий язык, возвышенный одной правдой! Хочется бежать, кричать, говорить, толкать...

Туда бы, на собрание этой многотысячной толпы! Вскочить на стол и сказать громко, откровенно, во всеуслышание:

«Долго ли вам еще прозябать в невежестве, рабстве и безысходной бедности!..»

А между тем вместо живого слова им раздают бесплатно нелепейшие брошюры, озаглавленные: «Истинная радость!», «Застигнутые врасплох!»³ и т. п. Какие эффектные заглавия и какой дребеденью наполнены!! Уши вянут от этой семинарской морали, избитой, опошленной поповской риторики; я уверен, сам автор неистово зевал, нанизывая эти периоды устарелых поучений отцов, ни-

¹ То есть жизнь в Москве.

² В газете «Голос», 1882, 30 июня.

³ Брошюры в духе религиозно-нравственных поучений, издававшиеся синодом.

До Рима я не доехал, делалось очень жарко. Да и перевидел я так много, что уже не воспринимал более.

Из Венеции повернули мы оглобли на Мюнхен—и домой. Но я познакомился немножко с Северной Италией (Генуя, Милан, Верона). В Генуе на кладбище такие есть шедевры современной итальянской скульптуры. Лучшие вещи за последние три-четыре года с такой реальной правдой, с такой чудеснейшей отделкой, что я был совершенно поражен, я не ожидал ничего подобного найти там. Мне хвалили миланское кладбище, но это совсем не тот табак. Нет возможности припомнить и описать хотя сотую долю всего превосходного, что мне удалось видеть в эту поездку, иногда это всплывает само, но писать долго. Скажу теперь, какие авторы меня разочаровали: Рибейра — я не видел ни одной вещи (написал он громадное количество, особенно в Мадриде) его, достойной нашему эрмитажному образцу, все это уже рутин.

Рубенс тоже меня не восхитил, даже в Антверпене, где он представлен одной из лучших и капитальнейших вещей своих. Рафаэль также: чем более знакомлюсь с ним, кажется мне сухим, рассудочным художником, не колоритным и не живописным; формы его большею частью еще архаичны, цвета грубы, не талантливы, экспрессии натянуты, подчеркнуты. Ждал я от «Сикстинской мадонны», но и та разочаровала меня; в фотографиях она производит больше впечатления. Я долго недоумевал, много думал и наконец добрался до причины столь громадного успеха этой вещи и этого художника. Ну, не буду, не буду...

Кланяйся, пожалуйста, всему милейшему Абрамцеву. Часто я вспоминал вас всех, особенно Савву Ивановича, когда ехал «от Севильи до Гренады». Дивный инструмент гитара! Как хорошо иногда играли испанские нищие, особенно в две гитары, одна — выше строем, коротенькая, другая — обыкновенная. Просто заслушаешься...

Не от Саввы ли Ивановича я получил в Мюнхене в Hôtel Байришергоф листок белой почтовой бумаги? Я думаю, это он подшутил. Но как он угадал, что я остановлюсь в этом отеле?!

Твой *Илья*

П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

13 ноября 1883 г.
Петербург

Удивляюсь, как это я забыл про картину К. Маковского!¹ Как же, я ее видел. Она очень эффектная вещь, напоминает картины П. Веронеза, богатая, нарядная, но очень приторная по своей банальности. Бояре напомажены, нарумянены, набелены, с подкрашенными губами до противности, жених какой-то приказчик, расчесанный по-теперешнему (бояре наши коротко стриглись), пошлый и глупый тип, невеста, его всегдашняя супруга и т. д. Долго ее рассматривать нельзя — начинает сильно беспокоить глаз бессовестное плганье в свете, перспективе и общем строе картины, все это альбомно, не серьезно и не простительно для такого огромного холста.

Да, Суворин расписался! да ведь он в искусстве, как свинья в апельсинах, толк понимает; профан совершенный. Стоит вспомнить, как он описывал воду в картине Куинджи², которая была до того натуральна, что палка, поднесенная к картине, отражалась в ней, как в живой воде!!!

Будьте здоровы, дорогой Павел Михайлович. Ах, да, о Стасове и Верещагине я ничего нового Вам не намеревался говорить — это я отвечал на вопрос Вашего мар-тышкинского письма.

Всегда Вам преданный *Илья Репин*

Н. И. МУРАШКО

30 ноября 1883 г.
Петербург

Микола!

Неужели я когда-нибудь не отвечал на письма, да еще моих старых товарищей?!

Красота — дело вкусов; для меня она вся в правде. Ты угадал — избитая рутин для меня просто пошла, как шарманка, и ею я никоим образом удовлетвориться

¹ «Боярский свадебный пир XVII века» (1883).

² «Ночь на Днепре» (1880).

не могу. «Дважды два — четыре» — это есть наука (она может в искусстве относиться только к рисунку, перспективе), а подводить под неопровержимые истины условные приемы золотой посредственности, почерпнутые из некоторых творений великих мастеров, — наивно. Сами великие мастера стремились всегда к правде и новизне — словом, шли вперед... В картине моей фонарь ты принял за киот и за главную святыню. А у меня главный сюжет в центре картины¹ — это барыня, несущая икону под конвоем сотских.

Ты думаешь, что чем ближе фигура к зрителю, тем она значительней. И с этой установленной нормой ты судишь картину (Ледаков вопиял о моей бестактности и безграмотности за «Софию»², что в картине впереди всего был стул?!). Плохо дело, если сами критики не отрешились от азбучных, устарелых теорий, давно брошенных художниками, и эти теории стараются преподавать миру как нечто новое, неизблемое. Недалеко уйдет читатель от такого объяснения.

Относительно красок ты, может быть, и прав, что они у меня, как у Крамского и Шишкина, страшно скучны, что делать, это уже недостаток таланта; но я бы себя презирал, если бы я стал писать «ковры, ласкающие глаз». В этой девочке с тамбурином такая ложь красок, рисунка, формы, что я только оплакиваю падение Харламова, глядя на нее, и мне она противна во всех отношениях.

Давно ли это тебя стали смешить идеи в художественных произведениях?

Я не фельетонист, это правда, но я не могу заниматься непосредственным творчеством. Делать ковры, ласкающие глаз, плести кружева, заниматься модами — словом, всяким образом мешать божий дар с яичницей, принаравливаясь к новым веяниям времени... Нет, я человек 60-х годов, отсталый человек, для меня еще не умерли идеалы Гоголя, Белинского, Тургенева, Толстого и других идеалистов. Всеми своими ничтожными силами я стремлюсь олицетворить мои идеи в правде; окружающая жизнь меня слишком волнует, не дает покоя, сама просится на холст; действительность слишком

¹ «Крестный ход в Курской губернии».

² Статья А. В. Ледакова в газете «С.-Петербургские ведомости», 1879, 31 мая.

возмутительна, чтобы со спокойной совестью вышивать узоры, — предоставим это благовоспитанным барышням.

Ратника¹ своего я пожертвовать в школу не могу, это не примерная живопись, а к тому же я считаю, что в Киевскую школу я дал достаточно; просят еще в Одессу, да, вероятно, и в другие города будут просить.

Номера² в школе своей ты брось, это мерзость. Делай выставки ученических работ и на них показывай недостатки учеников. Да они и сами увидят там, что лучше, что хуже. Хорошо, если бы учителя каждый месяц обошли вместе с учениками выставленные рисунки и побеседовали бы дружески, замечая недостатки и указывая на достоинства.

Ну, прощай, много бы я тебе написал, да некогда, будь здоров.

Твой *Илья*

П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

11 декабря 1883 г.
Петербург

Дорогой Павел Михайлович!

У нас все, слава богу, хорошо. Ваше письмо меня стало врасплох относительно портрета М. И. Глинки; когда-то, помните, говорили об этом, но после бросили и забыли, и я даже и не возвращался к этой мысли. Сделать живой портрет, без натуры едва ли возможно; о казенный никому, особенно Вам, и даром не нужен, остается одно — делать картину; это задача нелегкая, и ее нельзя решить вдруг; надо подумать, почитать о нем, порасспросить людей знавших, и тогда, если что составится, то попробовать — выйдет что-нибудь — хорошо, не выйдет — бросить. Возьму его записки и стану опять читать, и расспрашивать, и советоваться; авось либо что-нибудь вдохновит. Его все-таки придется изобразить с бакенбардами, а это почти борода.

Прилагаю письмо Л. И. Шестаковой обратно.
Будьте здоровы.

Преданный Вам *И. Репин*

¹ Картина «Ратник XVII века» (1879).

² Оценка работ учеников по номерам, принятая в Академии художеств.